

Интервью с Н. А. Анненковым в день юбилея

«ДЛЯ МЕНЯ РАБОТА И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ...»

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что свое девяностолетие Николай Александрович Анненков, знаменитый артист Малого театра Союза ССР, встречает в рабочем, творческом строю. Сценическое долголетие — явление творческого, а не возрастного характера. Труд, вдохновение всегда омолаживают человека: зрительный зал, заряженный любовью к артисту, дарит ему дополнительные силы. В этом я убедилась на днях — на недавней чеховской премьере театра «Леший», где Николай Александрович блистательно исполнил роль помещика Орловского. Добавлю к этому, что Николай Александрович еще и художественный руководитель Театрального училища имени М. С. Щепкина. Так что, право же, выбрать время для нашей беседы было непросто. Начался наш разговор с того, что больше всего волнует мастера, — с дня сегодняшнего...

— Честно говоря, мне больно видеть сегодняшний театр: происходит постепенное исчезновение духовности в искусстве. Конечно, в стране много самых разных нерешенных проблем, и принято считать, что мол. искусство лишь отображает жизнь, а по сути дела оно и рождается-то только тогда, когда способно видеть и показывать действительность в движении. Все дело в том, что искусство видит, глядя вперед, следовательно, отсюда

оно становится в чем-то и первичным. Ибо говорит о том, что нас ожидает, оно пропагандирует большую жизнь. А что нынче пропагандирует театр? В основном поголовное увлечение физиологией, уродование классической русской и зарубежной драматургии, циничное искажение ее, вплоть до порнографии? Но ведь это путь в никуда!.. Ну сегодня разделелся артист почти догола, ну завтра, послезавтра... А дальше? Находятся такие «блестящие» болтуны, которые прикрывают своей болтовней надругательство над актером, автором и зрителями, и утверждают, что перед нами якобы «великие поиски передового современного искусства». Страшно то, что «почитателей» такого, с позволения сказать, «искусства» становится все больше.

— Николай Александрович, а как случилось, что вы ступили на театральные подмостки?

— Я ведь актером не собирался быть. Пенем занимался и даже брал уроки, а вот драматическим искусством не увлекался. Летом 1917 года окончательно решил стать инженером

путей сообщения. Приехал в Москву, где и поступил в институт. До начала учебного года оставалось время — я поехал домой, там меня уговорили выйти на сцену Народного дома. Как всегда, в драмкружке не хватало исполнителей мужских ролей — мне и дали роль старика, у которого всего одна фраза была, всякий раз, как только он появлялся, говорил: «Мне бы сейчас рюмочку водки и пирожок с капустой». Я имел успех — вернее, фраза моего «героя».

Потом я стал получать роли более молодых героев. Но тут произошла революция, затем началась гражданская война. Я добровольцем вступил в Красную Армию.

Через три года, то есть в 1922 году, я демобилизовался и продолжил свою актерскую карьеру в театре, располагавшемся на Смоленском рынке в Москве. Здесь наряду с самостоятельными артистами, играли и профессионалы — тогда это было принято. Как-то в одной из постановок мне довелось встретиться на площадке с мамой Елены Николаевны Гоголевой — тоже актрисой. Она-то и посоветовала мне,

учитывая мои способности, да и успех у публики, поступить в один из профессиональных театров Москвы. Я же решил пройти вначале школу и поступил в училище при Малом театре.

В первой большой роли — Митя из пьесы Островского «Бедность не порок» — я дебютировал в Малом театре в 1924 году. Кстати, эта роль перешла ко мне от великого Остужева. Каких я только ролей не играл в пьесах любимейшего драматурга нашего театра! До сих пор в моем репертуаре Мамаев из «На всякого мудреца довольно простого» Островского...

— Во времена вашего детства в Малом театре очень популярны были постановки Мейерхольда. Вам доводилось видеть их?

— Да, конечно, я не пропускал ни одной премьеры. Это всегда была серьезная и яркая работа. Как режиссер он в совершенстве владел своей профессией. Если так можно сказать, Мейерхольд был выдающимся режиссером театра представления. По мнению Станиславского, вершиной подобного театра. И, может быть, с этой вершины Мейерхольду было видно:

что есть более высокое искусство? Ведь перед самым закрытием его театра он пытался возвратиться от искусства представления к искусству переживания, к психологическому театру. Не надо забывать, ведь Мейерхольд прошел в свое время школу Станиславского. И именно Станиславский, едва ли не единственный из деятелей искусства, протянул своему бывшему ученику руку помощи...

— Вы сами воспитали многих замечательных артистов. Среди них — и, к сожалению, рано ушедшие от нас Никита Подгорный и Олег Даль, и нынешние — Виталий Соломин, Михаил Кононов, многие другие...

— Да, в какой бы город ни приезжал, я везде встречаю своих учеников. А ведь я не считал, что смогу когда-нибудь заниматься педагогической деятельностью. Началось же все с того, что как-то партийное бюро театра, заботясь о подрастающем поколении актеров и видя недостаток в преподавателях, обязало меня пойти преподавать в училище при нашем театре. Конечно, я всегда интересовался проблемами актерского творчества и даже пытался описать метод

Малого театра, опираясь на помощь учеников физиолога Павлова и Станиславского... Я давно преподаю, передаю свой опыт, законы творчества.

— Помимо театра, что является вашей страстью?

— Люблю путешествовать, узнавать новое. Я ведь участвую во всех гастролях театра, малых и больших. Недавно даже за океан летал в Латинскую Америку, где играл Гаева в «Вишневом саде». Скоро опять гастроли, на этот раз с чеховским «Лешим»... Если нет гастролей, то совершаю туристические поездки... В свои девяносто лет жажду жизни я чувствую еще острее. Мне все кажется, что я мало сделал. И теперь уже мало жить осталось — боюсь, не успею сделать того, что хочу. Конечно, не успею, потому что многого хочу. Но, сколько хватит сил, буду бороться за лучшее в искусстве. А борьба за лучшее для меня означает одно — надо звать людей к красоте.

Для меня работа и есть счастье. И только одна она дает мне силы, чтобы жить...

Беседу вел Л. ПОЗДНЕВА.